

Мышление в сложности как киберсемиотический процесс

Время, переживаемое нами *здесь и теперь* можно характеризовать по-разному. Например, как время большого транзита-перехода нашей (пока еще) земной цивилизации в качественно новое состояние, чьи контуры, однако, еще плохо различимы. Столь же правомерно говорить о нашем нынешнем состоянии как о состоянии кризиса, неопределенности, турбулентности и динамического хаоса. И, конечно же, нельзя не упомянуть о том, что новая фаза эволюции человеческой цивилизации неразрывно связана с наступлением эпохи антропоцена – эпохи, когда техногенное воздействие человеческой деятельности на окружающую среду становится решающим фактором ее качественных изменений; изменений, ставящих под вопрос само существование на Земле человеческой цивилизации. При этом, в контексте дискурса о «плохо различимых контурах будущего» и связанных с ним рисков и надежд, необходимым образом формируются дискурсы трансгуманизма и постгуманизма, сфокусированные на проблеме природы человека и ее возможной трансформации в наступающую эпоху кибер-цифровой реальности, порождаемой прогрессом современных синергично переплетенных социо-технических практик, символической кульминацией которых становится сильный (или общий) искусственный интеллект. Таким образом, на фоне «плохой различимости будущего» (или даже неразличимости вообще) со всей отчетливостью становится вопрос: как возможно человеческое будущее в эпоху вызовов антропоцена и искусственного интеллекта. В итоге возникает все более осознаваемая необходимость проблематизации бегло охарактеризованной выше ситуации нашего «здесь и теперь» в новой концептуальной оптике парадигмы сложности, имеющей дело с так называемыми «коварными» (wicked) проблемами, то есть такими проблемами, попытка решения которых посредством традиционных инструментов редукции и упрощения приводит, в конечном счете, лишь к возникновению новых проблем. Как отмечает Эдгар Морен, «Сложность, прежде всего, заставляет себя признать невозможность упрощения, она возникает там, где сложная целостность порождает свои эмерджентности; там, где теряются отличительные и ясные признаки в тождественных сущностях и причинных связях; там, где элементы беспорядка и неопределенности нарушают течение событий; там, где

субъект/наблюдатель улавливает свое собственное лицо в объекте своего наблюдения; там, где антиномии приводят к тому, что в ходе рассуждений мы отступаем от своего предмета... Сложность не есть усложнение ... Настоящая проблема состоит, следовательно, не в том, чтобы сводить сложность и запутанность процессов развития к простым в своей основе правилам. *Сложность лежит в самой основе».*

Заметим, что сегодня почти все сферы человеческого существования (как на обыденном, так и на теоретическом уровне) истолковываются – прямо или косвенно – как перманентно становящиеся, интерпретируемые с процессуальной точки зрения реалии, не предполагающие ни окончательной фиксированности, ни предзаданных конечных целей или состояний. Мир предстает не столько в форме сложносоставного динамического образования механистического толка, сколько в виде подвижной, органоподобной, непрерывно становящейся среды, предполагающей особые техники исследования и способы пребывания в ней. Именно подобные техники и способы ведут к формированию нового, креативно-процессуального видения универсума. И как раз такое активное видение, направленное на деятельное постижение становящихся реальностей, предполагающее концептуальные сдвиги в современном естествознании, технике, гуманитарной деятельности, а шире в самом восприятии природы и социума, может быть наделено эпитетом «сложностное».носителем этого активного видения становится такой концептуальный персонаж как наблюдатель темпоральной сложности, ведущей свою родословную из квантовой механики, кибернетики второго порядка, Законов формы Спенсера-Брауна и семиотики Пирса.